

«Я ВЗЫВАЛ К МЕРТВЫМ, НО ОНИ МОЛЧАЛИ»

«Было бы очень здорово — немисливо трудно, но здорово — сняться в кино вместе». Мечте Настасьи Кински отныне сбыться не суждено. Ее отец, Клаус Кински, ушел из жизни. Он умер в Калифорнии, вдали от своей дочери. Актер, отторгнувший от себя близких и отвергнутый ими, в свое время отказался сниматься у Феллини и Спилберга, предпочитая играть мошенников в низкопробных фильмах. Он дал своей дочери имя героини Достоевского. Настасья всю жизнь восхищалась своим отцом и тянулась к нему. Но она никогда не могла простить его. За те темные эпизоды их жизни, о которых всей правды не узнает теперь никто. «Человек-загадка», — так говорили о нем в мире кино. На разгадку остаются лишь намеки. Журнал «Пари-матч» пытается подступиться к ней, публикуя статью о династии Кински. Мы перепечатаем материал с некоторыми сокращениями.

Для Клауса Кински его дочь Настасья была принцессой из волшебного замка, полного цветов и бриллиантов. Он в свою очередь был для дочери чародем, Санта Клаусом и... «канибалом». Отцом — крайне редко. Быть отцом — не в его характере. Он внезапно исчезал из дома, а когда возвращался под утро, дочка давно спала. Он возвращался в замок, построенный им из бриллиантов, замок, которому не хватало одного — человечности. А когда-то он жил в лачуге, по утрам просыпался, разукрашенный укусами клопов. О горючей воде приходилось мечтать: мать кипятила ее только, когда он болел. Летом он принимал душ в струе поливальных машин, которые по утрам мыли улицы. Он долгое время

не знал, что такое электричество, потому что ни разу не видел зажженной лампочки. Отец промышлял воровством лекарств в аптеке и конфет в бакалее. Мать, потерявшая в молодости почти все зубы, случалось, по нескольку дней голодала. Чтобы хоть немного заработать, Клаус подбирал окурки и сворачивал новые сигареты, которые продавал безработным. Иногда нанимался в похоронное бюро обмывать трупы. Бедность без предела и без просвета. Этот «беспредел» стал частью его жизни и присутствовал в каждом его шаге, в каждом поступке. И те, кого он любил страстью одержимого, омраченной болезненной ревностью, должны были следовать его напору без секунды промедления. В его жизни все было сверх меры, сверх нормы.

Лишь недавняя смерть Клауса в местечке Лагунитас в Калифорнии стала смертью обыкновенного человека. Смерть взяла его в постели. Казалось, он просто заснул. Вдова — тре-

тья супруга Клауса — сидела у остывающего тела два дня и две ночи. Она была спокойна, хотя горе на себя взяла в одиночку.

Настасья не приехала попрощаться с отцом. Еще при жизни Клауса она заявила публично: «Мы носим одну фамилию, но это — единственное, что у нас общего». Это случилось после того, как Клаус опубликовал свои мемуары, в которых написал, что в минуту безумия заставил дочь вступить с ним в кровосмесительную связь. Настасья уже стала взрослой, поэтому не устроила по этому поводу никакого шума. Она в то время получила то, о чем мечтала с детства: семью, дом, садик с желтыми розами.

— Многие годы я была просто помешана на том, чтобы обустроить свой семейный очаг, — вспоминает она. — И все из-за того, что родители всегда были чужими друг другу. Мне было так плохо из-за их раздоров, что я даже плакала как следует не могла. Слезы застревали в горле и дико души-

ли меня. Тогда я еще не понимала: все, что ни делал отец, не поддавалось ни объяснению, ни оправданию...

Однажды в Берлине он зашел в магазин, торговавший перчатками. У продавщицы были кошачьи глаза. Это решило все.

— Какие перчатки желаете, месье? — спросила она.

— Узкие и тесные, насколько возможно. Любого цвета, — ответил он. А потом прислонился к кассе, протянул руку и произнес легко и просто:

— Пойдете со мной? Будете жить у меня. Бросите свою торговлю перчатками.

— Когда?

— Немедленно.

Клаус не сказал больше ни слова, но они ушли, чтобы соединить себя супружескими узами.

— Когда мой отец приходил куда-нибудь, менялась вся обстановка, окружавшая его, — вспоминает Настасья. — Атмосфера делается напряженной, предгрозовой. Создается впечатление, что все окружающие

потихоньку дают ему территорию, которую он отвоевывает. Многие при этом не понимают, что он отдает людям всего себя, но от других требует того же. Мой отец — своего рода действующий вулкан, всегда готовый к извержению. Нет человека, хоть в чем-то похожего на него.

Дети страшатся, когда чем-то сильно отличаются от своих сверстников. Они любят быть похожими на других детей и чтобы их родители были похожи на других родителей. Клаус Кински заказал своей дочери коляску: украшенную бисером и жемчугом, с белым верхом — под цвет своего «ягуара». Уникальная коляска — очень большая и красивая. Но Кински менял машины чуть ли не каждый месяц — засорялся карбюратор или просто автомобиль пачкался — а вот коляску каждый раз менять не удавалось. Настасья не могла ни к чему привыкнуть: ни к жемчужным коляскам, ни к роскошным куклам, ни к дому на опушке леса, в то время как у отца фильм шел за фильмом, и порой на съемки ему приходилось ездить на другой край света.

— Детство прошло, — вспоминает Настасья, — и я уже знала, что такое одиночество, бродажничество, кочевой образ жизни. Научилась многим словам и выражениям, которые в моем возрасте другие девушки еще не знают. Долгое время жила просто на чемоданах.

Клаус часто менял и женщин. Внезапно он исчезал с очередной своей возлюбленной и долгое время не давал о себе знать. Потом внезапно возвращался и подобно урагану обрушивался на свою дочь с любовью и жаром. Любовь к ней была, очевидно, сильна, и все же он поднимал на нее руку.

Когда Клаус окончательно оставил семью, Настасья уехала в Венесуэлу вместе с матерью и довольно страшным отчимом, который заставлял называть себя Наполеоном. Ей не было восемнадцати, когда ее пригласил сниматься Роман Полански.

— С таким отцом, как у меня, — вспоминает она с горечью, — можно было податься куда угодно: и в самодеятельный драмтеатр, и на съемки учебного фильма для будущих ветеринаров. Я никогда не хотела стать актрисой именно потому, что родилась в этой среде. Это было бы слишком. Отец жил только своими проблемами. Он приносил свои роли домой. И дома постоянно слышалось эхо его актерской профессии. Мой отец был театром в себе.

Кински жил своими ролями. Когда он играл в театре Шекспира, ночи напролет он проводил на кладбище, прислонив голову к могильной плите «Я взывал к мертвым, но они молчали». Тогда Настасья уже стала «звездой» и хотела услышать от отца слова одобрения. А он в то время как раз отказал Феллини, став сниматься в каких-то вестернах. Он отказывался ото всех призов и наград. Взял как-то одну, полученную в Германии, да и ту вскоре выбросил на помойку, потому что с ней не хотел играть Наной — его сын от третьей жены.

Настасья восхищалась своим отцом. Он ненавидел, когда им восхищались. Она все хотела понять, почему жизнь артиста так хрупка, а слава так тяжела, чтобы вынести ее без потерь. Он презирал славу и не считал себя хрупким.

— Иногда я чувствовала, — отцу не хватало меня, — признается она. — Будто человеку, потерявшему свой парусник и тщетно пытающемуся разглядеть его на горизонте. К несчастью, море для него оказалось безбрежным: оно поглотило парусник. Я думала, что отец никогда не найдет его. Слишком поздно.

Настасья часто вспоминает слова любимого писателя, которые она считает слишком жестокими: «Вначале дети любят родителей. Потом судят. Иногда прощают».

...Она не приехала проститься с Клаусом Кински, ушедшим в последний путь. Но по вечерам, уложив детей спать, она берет мольберт и рисует человека. Его облик всегда один и тот же, напоминающий ее отца.

Подготовил
С. ТОЛКАЧЕВ.

Фото из журнала
«Пари-матч».